

На первом занятии был китайский, и Учительница всё время говорила об экзаменах. Цзянь Ли больше всего восхищался этой преподавательницей. Как только она начинала говорить, он тут же засыпал.

И вот, его, спящего безмятежным сном, застал Ци Сяоянь, бесцельно бродивший возле класса перед уходом. Хотя панорамное видеонаблюдение позволяло ему следить за ним, не покидая кабинета директора, неясное беспокойство, зародившееся еще утром при виде Цзянь Ли, тянуло его посмотреть.

Ему просто хотелось убедиться, насколько усерден в учебе этот парень.

Директор Чжэн, получивший в свое распоряжение два учебных корпуса для средней школы № 3, относился к Ци Сяояню с особым почтением. Их встреча выглядела как инспекция владений важным гостем. Обмениваясь учтивыми поклонами и улыбками, они направились к кабинету выпускного класса, где царил атмосфера усердия и сосредоточенности. Ученики, погребенные под горами учебников, казалось, растворились в их страницах.

«Ах, нынешние ученики гораздо счастливее нас! Зимой в классах тепло, летом прохладно – идеальные условия для полуденной дремы», – с беспомощной улыбкой произнес директор Чжэн, стоя у задней двери класса Цзянь Ли. Подобная картина давно не вызывала у него удивления.

Ци Сяоянь проследил за его взглядом и едва заметно дернул уголком губ.

Большинство парт были завалены книгами, но в самом конце ряда, рядом с Цзянь Ли, зияло свободное пространство, позволявшее без труда заметить спящего юношу, подпиравшего рукой подбородок.

В этот момент прозвенел звонок, возвестивший об окончании урока, но Цзянь Ли продолжал безмятежно спать.

Ци Сяоянь сделал несколько шагов вперед и приблизился к оконному проему.

Возможно, услышав звонок, ребенок просто прилег отдохнуть...

Директор Чжэн, разочарованный нерадивым учеником, уже собирался попросить учителя навести порядок, когда Ци Сяоянь вдруг протянул руку и постучал по стеклу.

Бао Ифань, все еще погруженный в размышления над ошибками в контрольной, первым отреагировал на шум. В замешательстве взглянув на внезапно появившихся директора и Ци Сяояня, он торопливо ткнул Цзянь Ли в бок.

«Проснись! Хватит спать!»

Цзянь Ли неохотно поднял голову, его глаза все еще были полузакрыты. «Что случилось? Я так хочу спать...»

Бао Ифань жестом указал в сторону окна, намекая, что ему следует выглянуть наружу.

Цзянь Ли, нетерпеливо повернув голову, в следующее мгновение широко распахнул глаза. Сон как рукой сняло.

Ци Сяоянь, извлек из кармана пиджака шелковый носовой платок и протянул его через полуоткрытое раздвижное окно. Цзянь Ли, совершенно ошарашенный, уставился на ткань в его руке. «Зачем это?»

Мужчина чуть приподнял уголок губ в усмешке и непринужденно произнес: «Вытри слюну».

Уши Цзянь Ли мгновенно вспыхнули. Он неловко коснулся рта руками, словно пытаясь скрыть смущение. «Я... я...»

Не обнаружив никаких следов влаги, он тут же возмутился. «Да вы шутите!»

Ци Сяоянь, не говоря ни слова, вернул платок в карман, но, наклонившись ближе, прошептал: «В следующий раз поменьше ешь на завтрак, чтобы не остаться без кислорода».

Цзянь Ли вспыхнул от гнева. «Это ты слишком много ешь!»

Мужчина лишь пожал плечами в ответ и неспешно удалился.

Цзянь Ли с силой сжал челюсти, пока сон, наконец, не ушел.

Бао Ифань сощурился и расплылся в ухмылке: «Ну и тип! Ты хоть знаешь его?»

Цзянь Ли, всем своим видом выражая глубочайшую обиду, нахмурился так, словно проглотил лимон: «Не знаю я его!»

«Да ладно тебе! Он же с директором Чжэном пришел. Неужели родственник?» - Бао Ифань не унимался, вытягивая шею, словно страус.

Цзянь Ли скривился, словно от зубной боли, и отмолчался, но внутри все кипело. Бао Ифань оставил его в покое, но тут в разговор вмешалась девушка со стола напротив, её голос звенел от восторга: «Ого, Цзянь Ли, это твой родственник? Какой красавчик!»

«Эм... красивый, красивый? Ну... ладно...» Он замялся, до сих пор чувствуя, что его родство с

Ци Сяоянем – это неправильно, но и отрицать связь было бы лицемерием. Ведь без этого человека он никогда бы не попал в такую престижную школу.

«И все?!» – глаза Цзи Тун сверкнули, словно у кошки при виде лазерной указки. – «Тогда кто он тебе? Брат? Или...» Её голос дрогнул, выдавая тайные надежды.

Этот вопрос загнал Цзянь Ли в угол. Ци Сяоянь выглядел чертовски молодо, но все же старше него. Тетушка Чжан говорила, что ему около тридцати. Брат как-то не вязался с таким образом. Видя взгляд Цзи Тун, горящий нездоровым интересом, он решил обрушить на неё ледяной душ правды.

«Ни то, ни другое! Он – мой "дядя", мы из разных поколений!» – выпалил Цзянь Ли, не моргнув и глазом.

Цзи Тун, услышав про дядю, затрепетала еще сильнее, прикрыв руками пылающие щеки: «Не может быть! Сколько же ему лет? Выглядит совсем молодым, и манеры такие... изысканные».

Цзянь Ли закатил глаза и небрежно бросил: «Ну, думаю, в этом году ему стукнуло тридцать».

Бао Ифань хмыкнул: «Цзянь Ли, прекрати добивать ее. Я слышу звон разбивающегося сердца».

Рот Цзи Тун скривился в болезненной гримасе, она казалась немного не в себе: «Ты шутишь? Ему... тридцать? Да он выглядит, как будто только вчера колледж закончил».

Теперь настала очередь Цзянь Ли закатить глаза. Он, конечно, не знал точного возраста Ци Сяояня, но подозревал, что тот уже по всем параметрам – матерый старик. Наклонившись ближе, он впился взглядом в накрашенные глаза Цзи Тун: «Послушай, тебе, кажется, опять не ту линзу в глаз вставили? Если не помогает, купи уже что-нибудь другое».

Бао Ифань стянул очки и замахал ими перед лицом Цзи Тун: «Давай, на, примерь мои очки!»

Цзи Тун замахнулась и оцарапала Бао Ифаня: «Отстань!»

Цзянь Ли беспомощно покачал головой. "Простушка, ведущаяся на обертку!" Ци Сяоянь понятия не имел, скольких дурочек он обманул своей внешностью.

Бессонные ночи зубрежки, сон в машине... он с опозданием осознавал, что постепенно затаил на этого человека обиду. В его памяти Ци Сяоянь был человеком холодным и отстраненным, и рядом с ним никогда не было женщин. Его можно было назвать образцом аскетизма.

Но... он казался каким-то другим при последней встрече. Постоянно поддразнивал. Что он имел в виду, говоря о недостатке кислорода? Завуалированно намекал, что он слишком много

ест?

Машины Цзянь Ли и Ци Сяояня одновременно въехали на территорию виллы. Ци Сяоянь взглянул на часы – уже перевалило за одиннадцать.

Цзянь Ли выскочил из машины первым, прямо перед виллой. Мужчина выбрался чуть позже.

Вообще-то ему не нужно было оставаться в школе на вечерние занятия, как обычным студентам, но экономка сказала, что Цзянь Ли сам об этом попросил. Ци Сяоянь нахмурился. Похоже, ему действительно стоит задуматься о месте в общежитии... если, конечно, этот парен всерьез намерен взяться за учебу.

Ци Сяоянь погрузился в раздумья, вечерние тени сгущались. Что, если Цзянь Ли решит поселиться в кампусе? Раздражение вспыхнуло в нем, как спичка. Он никогда не считал себя праведником. Скитаясь в одиночестве долгие годы, старался не причинять зла окружающим. Если не считать отца Цзянь Ли...

После его смерти Ци Сяоянь взвалил на себя бремя заботы о матери и сыне. Несмотря на щедрую финансовую поддержку, призванную обеспечить Цзянь Ли безмятежное обучение. Несмотря на пожертвования из разных источников, он не смог спасти мать Цзянь Ли от ранней смерти.

Тогда-то Цзянь Ли и узнал горькую правду: его отец умер, защищая Ци Сяояня. Это благополучие было куплено ценой жизни отца, жизнью, отданной ради Ци Сяояня.

С юных лет ненависть к этому человеку таилась в сердце Цзянь Ли, отравляя его существование. Вот почему он принимал поддержку и деньги с таким холодным, осозанным расчетом, даже согласился жить в доме Ци.

Но сможет ли Цзянь Ли отбросить свою ненависть, взглянуть в лицо будущему без этого разъедающего чувства?

В последнее время Ци Сяоянь стал навещать его чаще и заметил странные изменения: мальчик больше не встречал его в штывы, как прежде, а словно избегал.

Растерянность промелькнула в глазах мужчины. Неужели это просто подростковый бунт?

Нет, эта мысль была отброшена мгновенно. Цзянь Ли бунтовал с самого момента переезда. Так что, ни о каком новом бунте не могло быть и речи.

<http://bllate.org/book/14343/1270398>